

Раздел 2
**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА
В ЗЕРКАЛЕ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТИ**

УДК 82'42+008

Ю. В. Золоткова

**КУЛЬТУРНЫЙ ДИАЛОГ
ИЛИ «ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ»?**

Наиболее масштабно проблема культурного диалога и диалога культур исследовалась в трудах отечественных ученых XX в., таких, как Л. Выготский, М. Бахтин, М. Каган, Ю. Лотман, В. Библер, а также зарубежными авторами — Л. Фейербахом, М. Бубером, Э. Кассирером и др. Понятие «культурный диалог» сравнительно недавно появилось в энциклопедической и культурологической литературе. На сегодняшний момент сложилось общее понимание культурного диалога как «формы культурных взаимодействий» [Большой толковый словарь по культурологии, с. 243] или диалогического общения, происходящего как внутри самой культуры, так и между разными формами культуры (будь то искусство, наука, религия и др.), а также между культурными эпохами разных стран и народов через их творцов. Однако то, что мы подразумеваем под культурным диалогом, исследуемые авторы называли по-разному. Для удобства восприятия мы будем называть диалог между авторами в сфере художественного творчества культурным диалогом, для чего очертим сначала разные грани понимания такого диалога.

Так М. Бахтин в работах «К методологии гуманитарных наук» и «Проблемы поэтики Достоевского» в понятие культурного диалога вкладывал осознание диалогической природы текста, познания, бытия [см.: Бахтин, 2002]. В произведении искусства автор, вступая

в диалог с другим автором, интерпретирует и развивает образы, символы, смыслы, обсуждаемые и циркулирующие в культуре [Там же, с. 382]. Познание, понимание, с точки зрения М. Бахтина, может быть только «диалогическим», и природа человеческого мышления также диалогична. «Диалогическое» познание предполагает встречу с другим сознанием, при котором одно сознание оценивает другое, даже если одно из сознаний только вспоминается или представляется другим. Человек, оставшись наедине с собой, не может обойтись без другого сознания, он не может найти «всей полноты только в себе самом». Следовательно, М. Бахтин имеет в виду культурный контакт или «культурный диалог» между авторами текстов и осознает этот контакт как «контакт личностей», который можно назвать диалогом «автор — автор». Автора ученый не мыслит вне целостного слияния с его текстом, он присутствует в форме и содержании своего текста, а также создает контекст текста (произведения).

М. Бахтин утверждает, что ни один смысл не существует без автора и что для осмысления диалога необходимы два осознающих и интерпретирующих субъекта. Ученый также указывает на то, что в текстовом (контекстовом) диалоге происходит понимание людей разного времени, разных стран и разных видов искусства. Такова обозначенная теория «далеких контекстов» М. Бахтина, развиваемая также В. Библером, Ю. Лотманом, Ю. Кристевой и др. Соотносится эта теория и с понятием «дальнего собеседника».

Очевидно, что авторы в своих произведениях актуализируют смыслы в контексте своего времени и стремятся понять жизнь и культуру разных эпох. Автор через свои романы и своих героев полемизирует с основными идеями, философскими проблемами, «проклятыми» вопросами своего времени. Такой диалог М. Бахтин называет «диалогом эпохи». Касаясь понятия «далеких контекстов», М. Бахтин указывает на внутреннюю полемику стилей, присутствующих в каждом времени и часто пародирующих предшествующий стиль. В произведении автор вступает с другими точками зрения в «культурный диалог». Ученый обосновал диалогическую природу мышления художника и диалогическую природу его творческого бытия.

Развивал понятие культурного диалога Ю. Лотман. Пользуясь семиотическим методом, он исследовал механизмы диалога через текст и его создание, считая, что в структуру диалога входит понятие

границы, очерчивающей проблемные поля, точки зрения, позиции его участников [см.: Лотман]. Ю. Лотман определял два поля взаимодействия и взаимоотталкивания в диалоге («свой» — «чужой»), а также вводил понятие асимметрии. Диалог посредством текстов предполагает наличие «диалогической ситуации», где важны как черты сходства между текстами, по-новому трактуемые основные мысли, наследуемые формальные особенности, общие образы, общезначимые ценности и смыслы, так и черты различия текстов, их самобытность, новый взгляд на старые идеи, новые стилистические особенности. Те же процессы происходят, по мнению Ю. Лотмана, и между видами искусств. Поэзия впитывает в себя черты разных видов искусств (музыки, живописи, литературы), чтобы выработать новый поэтический язык. Когда диалог происходит на уровне художественных текстов, его называют культурным диалогом, а когда на уровне целых культур (в том числе национальных), стилей и направлений, видов искусств и даже различных искусств и наук, он называется Ю. Лотманом «диалогом культур». Ученый приводил примеры таких диалогов культур: влияние на русскую культуру византийской культуры (во время крещения Руси) или западноевропейской культуры — на русскую (со времен Петровских реформ).

Ценным вкладом в теорию «культурного диалога» являются идеи В. Библиера, высказанные им в книге «От наукоучения к логике культуры», где он мыслил диалог в парадигме «автор — автор», развивая идеи М. Бахтина и Ю. Лотмана [см.: Библиер]. В таком диалоге по-новому отражаются судьбы личностей творцов и рассматриваются разные грани диалога между разными видами искусства, между эпохами, между авторами произведений. По справедливому мнению В. Библиера, существует внутренняя перекличка Б. Брехта и Софокла, Б. Брехта и В. Шекспира. В искусстве, в философии существует обратимость «корней и кроны», «до...» и «после...», в результате чего возникает особый тип цельности, системности искусства как полифонического драматического феномена. Художники здесь существуют в одном социокультурном пространстве с поэтами, музыкантами, скульпторами, философами, архитекторами. Так, со «своей точки зрения» прочитал Овидия П. Пикассо, Евангелие — М. Булгаков. Такой диалог пронизывает всю историю культуры. Многие идеи, образы одного времени развиваются и интерпретируются творцами другого

времени. Каждая эпоха дает свое прочтение «вечных» тем, трактует евангельские сюжеты, решает вопрос о смысле жизни, определяет силу власти и денег, дает свою оценку войны и смерти, того, что есть судьба, путь, призвание. Эти сюжеты, образы, идеи осмысливаются художественно. Примеры тому многочисленны: «Царевна Лебедь» А. Пушкина, М. Врубеля и Н. Римского-Корсакова; «Демон» М. Лермонтова, М. Врубеля и А. Рубинштейна... Этот диалог может быть неявным, косвенным, внутренним и осуществляется посредством какой-то строчки, интонации, мысли, эмоционального оттенка. Такой диалог «вели», например, М. Цветаева и А. Ахматова. Между ними шел своеобразный диалог о самой сущности любви. Это общение не непосредственное, а опосредованное.

Особый взгляд на проблему диалога как проблему общения высказывал в своих книгах и М. Каган [см.: Каган, 1988, 1994, 1996]. Он мыслил диалог и как межличностное общение людей, и как глубинное общение — проникновение, взаимопостижение разных культур. Общение М. Каган мыслил и как своего рода исповеди партнеров диалога, в результате которого рождается особая степень общности людей. Понятие диалога связывалось М. Каганом с понятием воображаемого собеседника и общения на уровне художественных образов или «квазиобщения» («квазидиалога»), общения не непосредственного, а воображаемого. В квазиобщении читатель, слушатель, зритель вступает в мысленный диалог через художественный образ с автором произведения, домысливая произведение, дописывая его, осуществляя порою самодетерминацию своей судьбы. Таким образом, автор вступает со своим читателем, зрителем, слушателем в душевный и духовный контакт (подобные идеи, между прочим, высказывал и В. Библер). В том случае, когда реципиент является еще и автором собственных произведений, он сам «пишет» свое послание взволновавшему его автору. Так, например, В. Маяковский «написал» свой поэтический ответ С. Есенину, П. Пикассо — свой живописный ответ Ж.-Д. Лафонтену, а А. Ахматова — свой стихотворный ответ Н. Гумилёву.

Проблема «культурного диалога» в художественном творчестве исследована и в европейской науке XX в., в частности, в трудах Э. Кассирера [см.: Кассирер, 1995, 1998]. По мнению философа, образно-символическая система — это то общее, что объединяет

искусство живописи, поэзии и музыки. «Символическая форма», как «всякая энергия духа», в знаке, символе, образе выражает «смысловое содержание» произведения. Символический образ является смысловым центром их диалога.

На эту же функцию символа обращал внимание Ю. Лотман. Он называл этот метод символично-семантическим, где символ является «геном сюжета» [Лотман, с. 225]. Замечание Ю. Лотмана о том, что значим не столько сам образ-символ, сколько то, как он употреблен в произведении, особенно ценно, значима «система отношений», которую поэт устанавливает между основополагающими «образами-символами», та система значений, «кристаллическая решетка взаимных связей», которыми пронизано произведение и при помощи которых автор доносит до читателя самое сокровенное, свой смысл произведения.

Исследуя, по сути, культурный диалог в художественном творчестве, но не называя его этим термином, вышперечисленные авторы высказали много ценных идей, касающихся диалога, общения, диалога культур, однако они не выработали четких критериев самого понятия культурного диалога. Итак, можно сформулировать наше определение культурного диалога в сфере художественного творчества. Это *форма художественного общения творческих личностей (в парадигме «автор — автор»), осуществляемая в произведении искусства.*

В результате культурного диалога авторы разных веков и разных поколений или современники «обсуждают» вечные и насущные вопросы, темы, проблемы, передают свои образные впечатления от произведений других авторов, актуализируют смыслы предшественников в контексте своего времени и стремятся понять жизнь и культуру разных эпох.

Проблемы культурного диалога применительно к сфере художественного творчества коснулись в своих теоретических исследованиях и постмодернисты. Обосновывая понятие интертекстуальности, Ю. Кристева (1967) опиралась на идеи бахтинской работы «Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве», в которой ученый отмечал, что художник, помимо реальной действительности, находится в постоянном диалоге с предшествующей и современной ему литературой [Кристева, с. 224].

Исследовательница восприняла трактовку М. Бахтиным этого понятия как формального диалога между текстами, назвав его «интертекстуальностью». В понятие «диалог» вслед за Ю. Кристевой постмодернисты вкладывали идею переклички разных текстов прошлого, настоящего и будущего. Они утверждали, что нет отдельных текстов, но есть некий «интертекст», в котором авторы бесконечно ссылаются друг на друга. Свое определение понятия интертекстуальности дал Р. Барт: «Каждый текст является интертекстом; другие тексты присутствуют в нем на различных уровнях в более или менее узнаваемых формах... Каждый текст представляет собой новую ткань, сотканную из старых цитат» [цит. по: Ильин, с. 226]. Постструктуралисты считали и самого человека только «суммой запечатленных в его сознании “текстов”», и собственное творчество автора они сводили исключительно к деятельности комментатора [Там же, с. 49]. Таково вообще творчество постмодернистов, состоящее целиком из прямых или косвенных цитат, аллюзий, сносок, отсылок.

Понятие «интертекстуальность» у постструктуралистов тесно связано также с понятием «смерть автора» («смерть субъекта», «смерть читателя»), которое коренным образом отличает «интертекстуальность» от «диалогичности» М. Бахтина и исследуемого нами культурного диалога.

Сформулировала эту проблему Л. Перрон-Муазес, которая заявила, что автор, текст и читатель превращаются в единое «бесконечное поле для игры письма» [Там же, с. 225]. Для постмодернистов становится более ценным текст, а не его создатель, поскольку им не важен новый высказываемый автором смысл. Тексты у постмодернистов соотносятся друг с другом чисто механически, а смысл и вообще расшатывается и разрушается. Автор и другой автор не вступают в диалогические отношения «своего» и «чужого» слова, как у М. Бахтина. Авторы не интерпретируют мысль другого автора, привнося в этот диалог что-то принципиально новое, исходя из своей ситуации действительности. У постмодернистов «интертекст» — это чистая игра, в которой от перестановки цитат появляется якобы новый смысл, а автор становится абсолютно ненужным.

Так Ю. Кристева, анализируя книгу М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» [Бахтин, 2002], в своей работе «Слово, диалог и роман» опирается на коммуникативное начало в письме

в противовес субъективному и называет именно его интертекстовым [Кристева, с. 170]. «Диалогизм» М. Бахтина она воспринимает без субъективного (авторского) начала.

Принципиальным отличием «интертекстуальности» от «диалога» в понимании М. Бахтина, Ю. Лотмана, В. Библиера, М. Кагана и других ученых (т. е. именно культурного диалога) является отсутствие в механическом сопоставлении цитат, производимых постмодернистами, — собственно диалога, иначе говоря, вопросно-ответной формы диалога, полемики авторов, интерпретации цитаты, идеи, мысли, формального приема, ассоциации. Для культурного диалога в художественном творчестве важно, на наш взгляд, именно взаимодействие идей и образов, раскрытие их, то есть собственно диалог между авторами, к которому приводит не механическое неосознанное сопоставление чужих идей, а осознанное авторское рассуждение, впечатление, смысловой и эмоциональный отклик. Наличие точек схождения и точек расхождения участников культурного диалога, их осмысление автором идей и образов «другого» автора, собственная авторская точка зрения на произведение и выражают собственно диалог в его развивающемся качестве, приводящем к появлению нового смысла. Вообще для культурного диалога необходимо наличие двух авторов, двух творческих сознаний, «обсуждающих» в своих произведениях какую-то идею посредством образов. Ю. Кристева и постмодернисты, убирая такой диалог между авторами и «убивая» самих авторов, фактически «убивают» и этот диалог. В их понятии интертекстуальности живет не сам язык, а только «гул языка» как гул цитатного фона, механический гул переклички всего со всем. В таком случае не происходит диалога, рождающего какой-то новый смысл, новый образ, новое произведение, новое качество обсуждаемой проблемы.

Для сравнения разных позиций напомним, как понятие «автор» рассмотрено у М. Бахтина в работе «Автор и герой в эстетической деятельности» [Бахтин, 1996]. По мысли М. Бахтина, нужна не только «литература», но и реальность, из которой автором берется герой. М. Бахтин подчеркивал, что «творческое сознание автора не есть языковое сознание» [Там же, с. 251]. Ученый разводил понятия творчества и языка, предмета творчества писателя, тогда как постмодернисты из «письма» и «языка» делали культ. М. Бахтин отмечал, что творческое сознание выходит за рамки только языка и письма как

такового. Творческое сознание включает в себя и насущную реальность автора, и его направленность на другого человека, будь то читатель или другой автор, современник или человек будущего. Поэтому без автора, без его творческого сознания, без его опыта и всего, что предшествует написанию текста, без автора, вступающего в полемику не только с предшествующими авторами, но и с современной ему реальностью, с современными ему сознаниями «других» людей, невозможна глубокая и содержательно ценная литература и, как производное, новая действительность. М. Бахтин писал: «Мы должны почувствовать в произведении живое сопротивление событийной реальности бытия, где этого сопротивления нет, где нет выхода в ценностное событие мира, там произведение выдуманно и художественно совершенно неубедительно» [Бахтин, 1996, с. 255]. Таким образом, автор каждый раз творит новую реальность, является «первым художником» [Там же, с. 253].

В работе «К методологии гуманитарных наук» (1974) М. Бахтин сам ответил структуралистам и постмодернистам на их выпады против «автора» [Бахтин, 1979]. «В структурализме только один субъект — субъект самого исследователя. Вещи превращаются в понятия (разной степени абстракции); субъект никогда не может стать понятием (он сам говорит и отвечает)» [Там же, с. 393]. Тем самым М. Бахтин упрекал постмодернистов в их интересе к категориям идеальным и абстрактным, а не к их создателям — авторам. М. Бахтин всегда подчеркивал «персоналистичность смысла», то есть необходимость живого человека — автора, даже если он общается со своим «мертвым» предшественником, с его идеями или образами.

Р. Барт в работе «Смерть автора» утверждал, что процесс письма существует ради самого процесса, ради рассказа, а не ради воздействия на действительность [Барт, с. 384]. Отсюда, кстати, пресловутый «стиль» постмодернистов, в противовес содержанию, которое у них не имеет значения. Отвергая буржуазные ценности, постмодернисты отвергали любые ценности. Следовательно, «убивая» автора и систему ценностей и умаляя авторитет литературы, они «убивали» и сам новый текст, и саму действительность.

Кто же будет провозглашать новые истины, как не автор? Р. Барт отмечал, что современный автор лишь переписчик предыдущих истин, что смысл, постоянно порождаясь, тут же улетучивается,

что со «смертью автора» свергается все: «порядок, наука, закон» [цит. по: Ильин, с. 390]. Р. Барт писал, что «смерть автора» оплачивается рождением читателя. Стоило свергнуть автора, чтобы осознал себя читатель, но и читатель без автора становится «ником», «без истории, без биографии, без психологии» и возвращается в свое докультурное состояние [Там же].

Следовательно, постмодернисты оправдывали собственный текст, деконструктивный, лишенный смысла, состоящий сплошь из цитат. Однако к 1970–1980-м гг. они начали осознавать, в какой теоретический тупик сами себя загнали. Так, высказанные ранее идеи были, например, для М. Фуко ничем иным, как тоской по «идеальному интеллектуалу». Ю. Кристева искала выход из тупика в настроениях «левого деконструктивизма» и была нацелена на «“революционную” перестройку общества» [Там же, с. 151]. Ее озабоченность поиском субъекта отразилась в 1980–1990-х гг. в феминистской ветви постструктуралистской мысли. Дж. Деррида и М. Фуко к 1980-м гг. пришли к идее неизбежности субъекта.

Итак, понятие «культурный диалог» в нашем понимании контрастно понятию «интертекстуальность». Интертекст — понятие формальное, исключающее возможность настоящего диалогического общения. Соотношение текстов в «интертекстуальности» носит механический, игровой, деструктивный характер. Инстанция автора отрицается, исключается из диалога. Основные идеи, образы, смыслы текстов не получают интерпретации и развития в авторском творчестве и не актуализируются в настоящее время. В результате отпадает необходимость в новом авторе, что, на наш взгляд, недопустимо в пространстве культуры. Без реального автора содержание текста вырождается в мертвую абстракцию. Такой подход к творчеству кардинально противоречит идеям, высказанным в работах М. Бахтина, В. Библиера, Ю. Лотмана, М. Кагана, Э. Кассирера о природе и значении культурного диалога.

Произведение, словно магический кристалл, содержит в себе непреходящие смыслы культуры и, впитывая новые идеи, образы, символы, ассоциации времени, актуализирует вечные ценности человечества посредством своих авторов и в душах своих читателей, слушателей, зрителей. Только культурный диалог осуществляет глобальное взаимодействие авторов разных народов, времен и видов

искусства. Без культурного диалога невозможно представить произведения великих авторов уровня В. Шекспира, А. Пушкина, М. Булгакова, М. Шагала, М. Цветаевой, О. Мандельштама, М. Врубеля, А. Рубинштейна, Э. Монтале и др. Осуществляемый в них культурный диалог всегда оборачивается оригинальным решением вечных проблем, обретением новых смыслов, нетривиальным развертыванием, казалось бы, уже известных образов.

Барт Р. Семиотика. Поэтика. М., 1989.

Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. М., 2003. Т. 1. Философская эстетика 1920-х гг.

Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. М., 1996. Т. 5. Работы 1940-х — начала 1960-х гг.

Бахтин М. М. Собрание сочинений : в 7 т. М., 2002. Т. 6. Проблемы творчества Достоевского.

Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.

Библер В. От наукоучения к логике культуры. М., 1991.

Большой толковый словарь по культурологии / под ред. Б. И. Кононенко. М., 2003.

Ильин И. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. М., 1996.

Каган М. Мир общения. М., 1988.

Каган М., Хилтухина Е. Проблема «Запад — Восток» в культурологии. М., 1994.

Каган М. Философия культуры. СПб., 1996.

Кассирер Э. Избранное : Опыт о человеке. М., 1998.

Кассирер Э. Понятие символической формы в структуре наук о духе. М., 1995.

Кристева Ю. Избранные труды : Разрушение поэтики. М., 2004.

Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб., 2004.